

1

В детстве дни уныло сменяли друг друга и быстро забывались. Разве что один зимний воскресный день 1875 года отличался от остальных — видно, потому он и застрял в моей памяти. Мне скоро пять. Утро, как всегда, началось с маминого допроса.

МАМА (*читает*)

Что является главной целью жизни человеческой?

Я (*монотонно, наизусть*)

Познать Бога.

МАМА (*читает*)

Почему?

Я (*монотонно, наизусть*)

Потому что Он сотворил нас, чтобы мы восславляли имя Его.

Не найдя к чему придраться, мама захлопнула «Духовного наставника ребенка».

Потом обратилась к развернутой над креслом газете.

МАМА
Пойдете ли вы в церковь?

ПАПА
Полагаю, нет.

Хоть бы раз мама задала мне тот же вопрос.

В тот день проповедь преподобного отца Донована зиждилась на словах пророка Иезекииля «И грешник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет». Преподобный Донован, любивший удивлять паству неожиданными вопросами, вдруг взревел: «Почему Бог позволяет жить грешнику, если он того не заслуживает?» Мне показалось, что он обращается прямо ко мне, и я открыла было рот, силась вспомнить, что же по этому поводу говорит «Духовный наставник». Но преподобный Донован тотчас вспомнил сам: «Потому что Бог всемилостив!» Уф-ф.

ПРЕПОДОБНЫЙ ДОНОВАН
А почему я говорю, что Бог всемилостив?

Любознательность этого человека не ведала границ. Мои веки постепенно смыкались, глаза закрылись. Кончилось тем, что я уснула и грохнулась со стула как колода. По дороге домой мама размышляла вслух, сможет ли она после такого позора когда-нибудь еще взять меня с собой в церковь. И тогда наконец я смогла ответить как папа:

Я

Полагаю, нет.

После обеда мы принимали гостей. Это были те же дамы, с которыми мы виделись утром в церкви. Они пытались о чем-то меня спрашивать, но я стеснялась, и вскоре про меня все забыли и перешли к беседе о более важных вещах.

Мисс Дин

Вы заметили, что миссис Каррингтон была в светло-сером? А ведь бедный мистер Каррингтон всего полгода как скончался!

Мама

Он, верно, в гробу переворачивается.

Я украдкой взглянула на собственное платье: хорошо, что я в черном с головы до пят! Я носила траур по дедушке, и он, в отличие от мистера Каррингтона, наверняка был счастлив в своем гробу. Я сидела в креслице в углу и болтала ногами. Но тут мне понадобилось кое-что уточнить.

Я (*маме*)

А разве через полгода после смерти мы не превращаемся в скелеты?

МАМА

Прекратите болтать ногами.

МИСС ДИН

Может, вы нам читаете, миссис Тиддлер?

Мама поднялась и пошла за Библией. Книга раскрылась на заложенной странице.

МАМА (*читает*)

Иезекииль, глава 37: «И Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии?»

Я вздрогнула и обвела взглядом дам, склонившихся над вышиванием. Я была единственным ребенком в гостиной, да и во всем доме. А могла бы сидеть между двумя сестрами. Но Пруденс, старшая из нас троих, отказалась дышать спустя три часа после рождения. А Мёрси, пришедшая в этот мир двумя годами позже, продержалась в нем чуть больше недели.

МАМА (*читает*)

«Вот, Я открою гробы ваши и выведу вас из гробов ваших».

В тот воскресный день я услышала, как сестрички, пользуясь тем, что Иезекииль проветривает могилы, зовут меня поиграть. Два скелетика, сложивших тонкие ручки-косточки в жалобной мольбе. Никто на меня не смотрел, так что я соскользнула с креслица и вышла из гостиной.

Столовая была погружена во мрак. Тяжелые багровые шторы не раздвигались со вчерашнего вечера. Спинки высоких стульев будто предлагали схоронить меня от докучливых гостей. Можно было вернуться в залитую светом гостиную, но сестры следовали за мной по пятам, умоляя с ними поиграть. Поэтому я шла дальше по темной комнате, заставленной мебелью красного дерева. Вдруг моя нога зацепилась за ножку стула, и я грохнулась на четвереньки. Но почему-то под рукой у меня оказался не шероховатый шерстяной ковер, а теплый шелковистый клубочек, издавший жалобный писк. Он шевельнулся, и я непроизвольно сжала пальцы. Меня охватило ликование — я встала и помчалась, бережно неся трепещущий клубок в ладонях, через библиотеку к себе, в детскую, на четвертый этаж!

Я обошла всю комнату в поисках подходящего места для моей добычи. Куда бы ее спрятать? В кукольный домик? В ящик комода? Нет, лучше сюда! В шляпную картонку! Я положила зверушку на дно картонки и наконец внимательно ее рассмотрела. Тонкая острая мордочка, миниатюрные дрожащие лапки, глазки как глянцевые кофейные зерна — какая прелесть! А хвост такой длинный, чешуйчатый. Но как же к ней обращаться? До сих пор меня окру-

жали только люди, причем взрослые, поэтому я понятия не имела, как разговаривать с животными.

Я

Добрый день, меня зовут Черити Тиддлер. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете. Очень рада с вами познакомиться.

Голос у меня за спиной

С кем это вы там говорите?

У Табиты по воскресеньям был выходной, но она уже вернулась.

Я

Я не знаю. Кажется, с мышкой.

Няня подошла к шляпной картонке и пробормотала: «Силы небесные!» Она ужасно боялась всех мохнатых, пернатых и чешуйчатых тварей, которые бегали, летали или ползали. Когда она увидела у меня в ладонях мышь, ее передернуло от отвращения: «Фу, мисс Черити!» Но по крайней мере она не стала требовать, чтобы я убила своего найденыша или выкинула его на улицу.

ТАБИТА

Закройте крышку и живо бегите в гостиную! Матушка зовет.

Перед тем как отправить мышку во тьму шляпной картонки, я полюбовалась ею еще раз. Потом умоляюще взглянула на няню.

ТАБИТА

Фу, мисс Черити!

Снова услышав эти слова, я немного успокоилась: значит, Табита хоть и не одобряет меня, но выдавать не собирается. На следующий день она даже раздобыла клетку. Не думаю, что Табита покрывала все мои проделки только по доброте душевной. Скорее она считала меня ребенком испорченным и, чтобы лишний раз в этом убедиться, сама же подбивала меня на проказы.

Мышка, которую я нарекла «Мадам Петипа», не все время сидела в клетке. Я часто оставляла дверцу открытой, и Мадам, пользуясь случаем, высовывала оттуда нос и топорщила усики. Она дерзко взбиралась по руке на плечо, щекотала шею и путалась в волосах. Я старалась кормить ее здоровой пищей, свежими овощами и птичьим кормом. Но она все равно потрошила мою тряпичную куклу и грызла отвороты кожаных ботинок. А когда я ее отчитывала, она садилась на задние лапки, сворачивала хвостик колечком и начинала умыться так потешно и грациозно, что было невозможно долго на нее сердиться.

К тому же она оказалась прирожденной акробаткой: ей приглянулся кукольный домик, и она юркала в него через

окно, карабкалась по лестнице и выбегала через слуховое окошко. Усатая мордочка то вдруг появлялась в каминной трубе, то исчезала, будто кто-то дергал Мадам снизу за хвост. Внутри она тотчас принялась наводить свой порядок — обглаживать кукольную мебель и разбрасывать по полу помет, похожий на маленькие колбаски.

Спустя некоторое время Мадам Петипа представила мне свою приятельницу — Мисс Тютю, поменьше и поокруглее. Кроткая Мисс Тютю могла тихо просидеть все утро в моем кармане, но по ночам я слышала, как обе носятся по детской и пищат. «Просто нашествие какое-то!» — причитала Табита. Но это было только начало.

Мир вокруг меня, казавшийся раньше мертвым и иссохшим, как кости из книги пророка Иезекииля, был на самом деле полон жизни. В заброшенном саду позади нашего дома таились сокровища: птичьи гнезда и кротовые норки, муравейники и пруд с головастиками.

Однажды мне прямо в руки свалился птенец, и я отнесла его в детскую с таким же ликованием, какое испытала в день знакомства с Мадам Петипа. Я устроила его в коробке, выстеленной сеном из яслей нашей старой кобылы, и принялась впихивать в него хлебные шарики, размоченные в молоке. На следующий день он умер: я перекормила его овсянкой. Конечно, я горевала по нему, но не так сильно, как по Мадам Петипа. Ее сгубило обжорство. На десерт она любила полакомиться свечными огарками; и вот однажды, карабаясь по канделябру, она

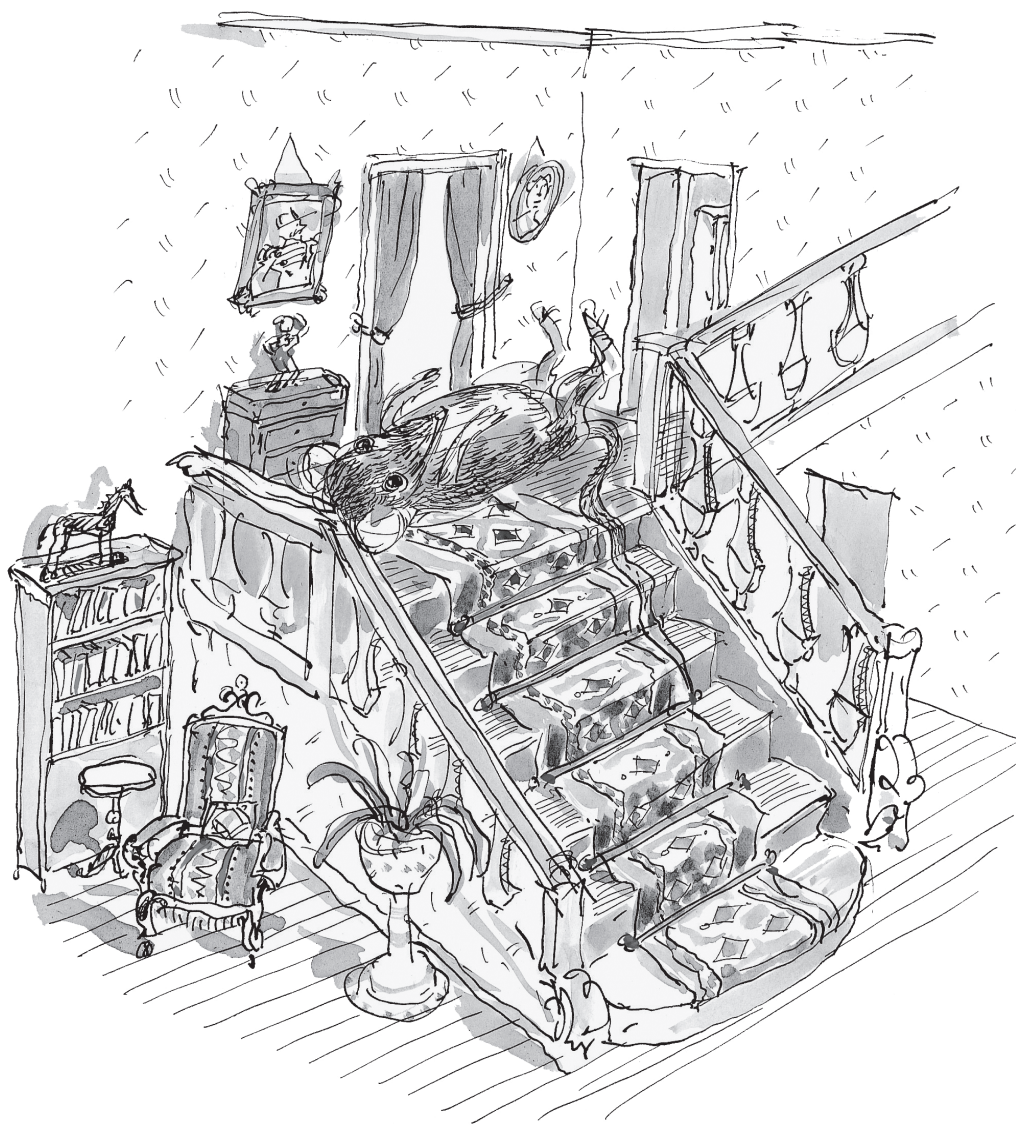
сорвалась и рухнула вниз. Я помогла ей встать на лапки, и она удалилась нетвердой походкой. В тот же вечер я нашла окоченевший трупик на лестнице ее любимого кукольного домика.

Вечный круговорот рождений и смертей стал первым уроком, который преподнесла мне жизнь. В день похорон Мадам Петипа я полезла в карман за носовым платком, но вместо него достала слепого крохотного слизнячка, при виде которого няня в ужасе закричала. Мисс Тютю разродилась в кармане моего фартука восемью крошечными мышатами, и более опытный натуралист на моем месте наверняка бы задумался, точно ли мышь Петипа была Мадам.

На другое утро, едва проснувшись, я подбежала к фартуку. Увы, карман был пуст — мышата исчезли. Тогда я винила во всем Табиту, но, познакомившись с мышами ближе, поняла, что Мисс Тютю сама же и слопала свое потомство. После такого мышеубийства она уже не осмелилась показаться мне на глаза.

В то время мы жили в новом доме на такой же новой улице Западного Бромптона. Лондон, разрастаясь, постепенно поглощал пригород, но из окна детской все еще виднелись луга и сады. Иногда появлялись и дикие звери. Припоминаю, как однажды к нам в сад через ограду забрался ежонок, вероятно, сбежавший от матери-ежихи. Я принесла его в подол фартука домой, назвала Диком и накормила молоком и сырыми яйцами. Дик свернулся клубком в гнезде из листьев, которое я ему соорудила, и замер. С видом знатока я пояснила Табите, что еж впал в спячку.

Дик так преуспел в искусстве спячки, что стал

твердым как камень и в конце концов начал разлагаться. Невыносимый запах разлился по детской.

Дика сменил Джек, с ним мне повезло больше. Выяснилось, что Джек — любитель поесть, его отменный аппетит прорезался после того, как я обнаружила его страсть к хрустящим улиткам. Джек жил у меня больше пяти лет, но однажды таинственным образом исчез — возможно, выбросился из окна.

Я обожала лечить животных, и такая возможность подворачивалась мне довольно часто. Однажды я подобрала красивого дрозда с поломанным крылом. Из палочек и шнурков я соорудила шину: я решила, что надо обездвижить крыло, пока мать-природа будет делать свое дело. История с птенцом, который подавился овсянкой, кое-чему меня научила, поэтому дрозд получал земляных червей, нарезанных аккуратными кружочками. Через несколько дней мать-природа доделала свое дело — дрозд скончался.

Позже, поразмыслив, я поняла, что черви, слизняки и улитки, которыми я пичкала птиц и ежей, — тоже творения природы и достойны самого пристального внимания. Не уверена, впрочем, что мое внимание их очень радовало.

Как-то дождливым утром я собрала богатый урожай двух видов улиток: желтых с тонкими черными черточками и полосатых с элегантными лаковыми желто-коричневыми бороздками. Я сложила улиток в глиняный горшок, устланный листьями салата, и долго наблюдала, сидя на корточках.

Я смотрела, как улитки сбиваются в кучу, склеиваются друг с другом и пытаются выбраться на свободу, выползая из горшка. Когда они подбирались слишком близко к краю, я снимала их и возвращала на дно, что им явно не нравилось. Конечно, я делала это не со зла; я даже искренне жалела одну желтую улиточку с дырявым домиком. Когда наступил вечер, я накрыла горшок с улитками старым решето, чтобы продолжить свои научные наблюдения на следующий день.

Всю ночь лил дождь. Утром, наскоро проглотив овсянку, я отправилась за новой порцией улиток. Увы! Я не поставила горшок под навес, и несчастные улитки утонули. Уцелели только две, успевшие добраться до решета и зацепиться за него. Я узнала улиточку с дырявым домиком. И сделала научный вывод: тому, кого жизнь испытала на прочность, любые трудности нипочем. Я назвала эту улитку Боб, а приятельницу Боба — Джейн и тайком забрала горшок в детскую. Естественно, выпуская Боба и Джейн порезвиться на полу, я запирала Джека. А когда еж начинал с неприличным хрустом поглощать обед из улиток, то издавая громкое «хрум-хрум», то похрюкивая и пытаясь, я деликатно отодвигала глиняный горшок Боба и Джейн подальше.

Я беспокоилась о здоровье Боба. Из-за дырки в домике он наверняка жил на постоянном сквозняке. Камин в детской топили плохо, зимой было холодно и сыро, и я куталась в платки. Но улитку же в платок не закутаешь. И тогда у меня родилась поразительная для семилетнего ребенка гипотеза. Я знала,

что у ящериц отрастает хвост. Почему с домиком улитки не может произойти то же самое? Если так, значит, Бобу нужен строительный материал. Я добавила в его обычный рацион яичную скорлупу. И это полностью себя оправдало: Боб съел скорлупу, и дырка срослась, как у нас срастаются кости после перелома.

Не знаю, как именно погиб Боб. Мои маленькие друзья часто ни с того ни с сего куда-то исчезали. И я, видимо, ошибалась, когда винила в этом Табиту.

В эпоху Боба и Джейн я стала еще и знатоком головастика, которыми кишел наш пруд. Я ловила

их банкой, стоя по колено в жиже, и нимало не беспокоилась о том, что мои рукава мокры, а подол заляпан грязью. То была экспериментальная наука, и я наделала немало ошибок, пока опытным путем не подыскала правильную диету для выращивания превосходных головастика. И теперь я могу смело рекомендовать вам крапиву, шпинат и желток сваренного вкрутую яйца. Какое чудо — видеть, как головастик отбрасывает хвост и отращивает лапки! С помощью кухарки Мэри я обустроила террариум с десертной тарелкой вместо пруда. В этом террариуме я вырастила из головастика ярко-зеленую квакшу размером почти в пять сантиметров. Но упрямица отказывалась петь. Каждый день я размахивала у нее перед носом кусочком сырого мяса, изображая охоту на насекомых. Однако квакша на этот обман не купилась и вскоре сдохла от тоски на берегу бутафорского пруда. Вслед за ней появилась серая жаба, очевидно, перенесшая в детстве травму, поскольку прыгала она только вбок. Я тотчас в нее влюбилась и назвала Дорогушей. Однажды, не удержавшись, я даже поцеловала ее, но в прекрасного принца моя жаба не превратилась. Вынуждена признать, что она предпочитала мне слизней.

Дорогуша не жаловалась на здоровье и могла бы прожить у меня лет двадцать. Расстались мы внезапно. Однажды я вынесла банку в сад, чтобы жаба погрелась в первых лучах весеннего солнца. На радостях она выпрыгнула из банки. Похоже, ее саму это удивило не меньше моего. В отчаянии я крикнула «Дорогуша!», но зов природы, видимо, был громче.

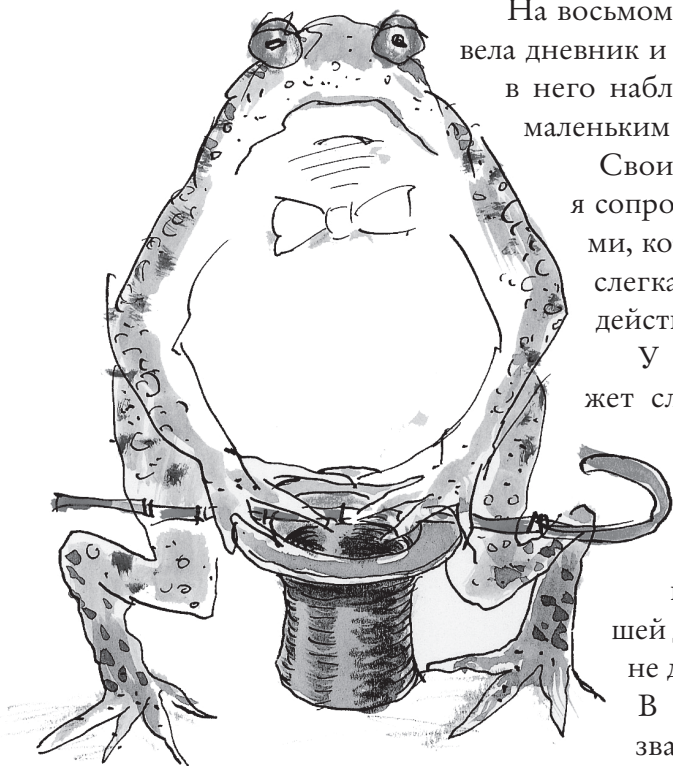
Три-четыре косых прыжка — и она скрылась из виду. Мое сердце было разбито. У Дорогуши Номер Два, которая появилась позже, глаза были уже не такие прекрасные...

На восьмом году жизни я завела дневник и стала записывать в него наблюдения за моим маленьким миром.

Свои научные записи я сопровождала рисунками, которые, возможно, слегка приукрашивали действительность.

У читателя может сложиться впечатление, будто я жила в детской в полном одиночестве, в компании мышей да лягушек. И это не далеко от истины. В гостиную меня звали лишь изредка.

В ту эпоху (а я родилась в 1870 году) многие родители, в том числе и моя мама, придерживались правила: «Ребенка должно быть видно, но не слышно». Если бы не воскресные допросы о главной цели жизни человеческой, она бы, наверное, и не узнала, какой у меня голос. А он был низковат для ребенка, особенно для девочки, — ино-

гда мама даже вздрагивала, когда я отвечала. Няня и вовсе считала, что это не мой голос.

ТАБИТА

Вашими устами кто-то другой говорит, мисс Черити!..